

ДАГЕСТАН

$$H = - \sum_{i=1}^k p \ln p$$

*... С тех пор,
как люди
научились
измерять
неопределенность
и понимать меру
необратимости,
стало ясно,
что подозрение
на внутреннюю
красоту мира
останется вечно...*

Шамиль Алиев,
академик

(см. стр. 12)

БОРИС ПОКРОВСКИЙ: О ТАЛАНТЕ ШИРВАНИ ЧАЛАЕВА И ХОРОВОМ ПЕНИИ

Покровский Борис Александрович – режиссер с мировым именем, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, в течение многих лет работал главным режиссером Большого театра, организатор и бессменный художественный руководитель Камерного Музыкального театра. После успешной премьеры оперы дагестанского композитора Ширвани Чалаева «Кровавая свадьба» в этом театре, у него взял интервью наш корреспондент в Москве Магомед АБДУЛХАБИРОВ.

– Почему именно в вашем театре поставлена «Кровавая свадьба»?

– Ширвани Чалаев давно знаком нашему коллективу. Мы неоднократно ставили его произведения и раньше. Материал, который он представлял нам, всегда был интересен. И тот, что он представил на этот раз, нам особенно дорог. Это то, что нас более всего волнует. Для меня дорого услышать то, что он говорит о своей родине; то, как он это говорит. Кроме того, он – человек большой культуры в самом широком толковании этого слова. Я могу говорить ему все, что я думаю о нем, о его творчестве, об окружающем нас мире... Я надеюсь, что и он со мной говорит так же откровенно на самые разные темы. Это и определяет тот ступок дружеских отношений между композитором и театром. В этом залог и будущих хороших совместных работ театра и композитора.

Меня очень обрадовало, что Ширвани недавно написал оперу «Казачьи» по произведению Льва Толстого. Мне хочется ее поставить в театре, но, к сожалению, я не всегда и не во всем силен. Мы ведь не вольные птицы. Мы не всегда ставим то, что нам хочется. Такова рыночность в искусстве. Ширвани, надеюсь, понимает реальность и отзовется на наши будущие обращения к его творчеству.

– В чем особенность «Кровавой свадьбы»?

– Радует национальность спектакля в благородном ее понимании. Она ощущается. Она слышится. Эта особенность таинственна, тонка и притягательна. И это несмотря на то, что исполнителями являются русские актеры. Они сумели подчиниться представлениям национальности. Я очень ценю это обстоятельство.

И поэтому я дорожу этим спектаклем, который входит в разряд лучших постановок нашего театра. Он получил хорошую оценку и зрителей, и специалистов. Спектакль идет регулярно, он в репертуаре нашего театра. «Кровавая свадьба» – это опера на годы.

– Как вы пришли к тому, что опера начинается с пения самого Ширвани Чалаева на лакском языке?

– Во время репетиции Ширвани сам показывал, как, на его взгляд, надо это делать. И тогда один из режиссеров заметил: «Да он сам сможет это хорошо исполнить...». И мы не ошиблись. Сразу же почувствовали правильную интонацию, которую невозможно повторить или исполнить в такой философской трагичности. Верно было найдено и музыкальное одухотворение произведения. «Запахло» другим народом, дорогим и трогательно обращающимся с моей душой. Это особенно важно в наше время, когда, извините меня, дикость и отверженность проявляются во взаимоотношениях людей только из-за того, что они – разной национальности или веры. В такие времена особенно ценна мудрость писателя, композитора, драматурга, чье творчество нужно не только театру, а всем нам, чтобы оставаться людьми. Успех этого спектакля объясним еще и тем, что мы все это поняли.

– Наблюдается ли совпадение испанского сюжета (Гарсиа Лорки) и кавказского композитора (Ширвани Чалаева) в темпераментах, характерах?

– Дело вовсе не в Испании, Кавказе, России, Германии или любой другой стране. Суть в общечеловеческих ценностях. Грустно, когда отношения людей строятся на основе национальных различий. Это какая-то зоологизация людей. Ширвани же создал одухотворенное произведение. И я не вижу в этом различий между Испанией, Италией, Россией, Германией или Дагестаном.

– Почему аэропорт был выбран сценой и декорацией постановки?

– Это продиктовано желанием сразу адресовать публике реальные события, не отвлекая ее внимание на пышные декорации, которые не несут в себе ярко выраженной смысловой нагрузки. На сцене обычные люди. Они вылетают и прилетают. Они ждут вылета или прилета. Таковы пассажиры во всех аэропортах

Борис ПОКРОВСКИЙ
и Ширвани ЧАЛАЕВ

мира. Одни рады предстоящим встречам, другие огорчены расставанием с близкими. Такова жизнь. Аэропорт – центр эмоциональной возбужденности и отрешенности. Такова позиция постановщика спектакля Ивановой. И я с ней согласен.

– Каким образом подбирались для «Кровавой свадьбы» актеры?

– Это зависит от дирижера и режиссера, от директора театра. Спектакль-то очень ответственный и потому в нем должны были участвовать люди, осознающие эту ответственность. К примеру, провал в итальянской опере не станет трагедией. Но провальная постановка такой оперы НЕПРИЛИЧНА! И поэтому все старались на все сто. Постановка удалась.

– В чем, на ваш взгляд, особенность творчества дагестанского композитора?

– Он еще не до конца разгадан. Может, Shirvani с этим не согласится, может, он ясен для самого себя. Поэтому пусть лучше он сам скажет о себе. Тем более, будучи знаком с разными направлениями в музыке, ее национальными особенностями. Он же всегда остается самим собой, узнаваемым.

– Ваше отношение к современной попсе?

– Если вы отличаете легкомыслие и пустоту попсы от серьезной музыки, то вашему вкусу ничто не угрожает. Но я советую всем не тратить свое время на попсу. Меня-то злит другое – так называемая «современная режиссура классической музыки», а точнее – измывание современников над музыкой ушедших гениев. За «творчество» с ножницами и синтезаторами эти «композиторы» получают гонорары как за «свои» авторские произведения. Это не вежливо по отношению к культуре. Это глумление над музыкой и безобразия в ней. К примеру, автор посоветует актерам снять трусы и побегать по сцене. Скандал! Эпатажно! Успех гарантирован! Но художник никогда на это не пойдет.

– Кто для вас любимый композитор?

– Модест Мусоргский. Его музыкальная драма «Борис Годунов» – опера моего сердца с первой строки до последней. С малых лет я

раб этого величайшего музыкального достижения человеческого духа. Были у меня хорошие отношения с Сергеем Прокофьевым – великим музыкальным новатором. Я первым ставил его оперы. С его позволения я позволял себе и некоторые вольности с его произведениями. Общение с ним было для меня личным счастьем.

– В чем, по-вашему, смысл жизни?

– Я вижу его в карьере. Не следует этого стесняться. Карьера расширяет возможности для служения людям и любимому делу. И не ради денег делают карьеру истинные художники. Не могу представить, чтобы Shirvani ходил по театрам, выклянчивая себе большие гонорары. Это уже был бы не Shirvani, а торговец. Хотя и среди них встречаются приличные люди, заинтересованные в

развитии культуры. Но не они определяют дух, престиж и величие России.

– Если бы не музыкой, то чем бы вы в жизни занялись?

– Я ведь учился на рабфаке. Работал на химическом заводе, был солидным рабочим с особым пайком. Но недалеко от завода располагались и театры. Меня пускали в них. И я поступил в ГИТИС. А в возрасте 25 лет был назначен режиссером в Горьковский Театр оперы и балета, работал там в 1937-1943 годах. А затем был приглашен режиссером в 1943 году в Большой театр. В 1952-м стал главным режиссером этого крупнейшего в мире Академического театра оперы и балета. Я всегда старался быть нужным людям. В этом я вижу истинное счастье.

– Были ли вы в Дагестане?

– К сожалению, нет. Я мало ездил. Не хватало времени. Был занят работой. Да и денег не хватало на путешествия. Среди музыкантов не бывает богачей. Это – два разных измерения.

– Как бы вы охарактеризовали сущность оперной музыки?

– Музыка – это душа. Это разговор душ. Глазами можно узреть красоту женщины, картины... И это влияет на вас. И музыка влияет на человека. Опера же для меня – самое возвышенное искусство из всех искусств. И самое великое – по эмоциональному благородному воздействию на душу.

– Не поэтому ли в медицине сегодня развивается музыкотерапия?

– Не знаю об этом. Однако догадываюсь, что оболванивание молодежи в дискотеках – духовное преступление перед настоящим и будущим цивилизации. Так люди разучиваются не только читать Пушкина и Толстого, но и понимать Чайковского и Бетховена.

– И, наконец, что вырабатывает музыкальный вкус?

– Надо чаще слушать музыку классиков, заниматься пением. Хоровое пение раньше культивировалось во всех школах. Если поешь в хоре, то ты уже музыкант.